

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

INTERPRETATION OF THE ENGLISH-LANGUAGE POLITICAL TEXT

Авторы: Криничная Ирина Александровна (НИУ «БелГУ»)

Аннотация: Современный политический процесс – это модель организации общественной структуры на основе коммуникативного взаимодействия. Политический язык используется не только для вербализации социально-политической реальности, но и проектирует каналы институциональной корреляции и социальной взаимосвязи.

Ключевые слова: политический дискурс, коммуникативная интенция, лингвистическое воздействие, манипулятивное воздействие, политический язык.

Annotation: The modern political process is a model of organization of social structure on the basis of communicative interaction. Political language is used not only to verbalize socio-political reality, but also to project channels of institutional correlation and social interconnection.

Keywords: political discourse, communicative intention, linguistic influence, manipulative influence, political language.

В статье ставится задача изучить феномен интерпретации современного англоязычного политического дискурса, раскрыть концепты «интерпретация» и «политический язык», определение закономерностей реализации манипулятивного воздействия в политической речи как ключевого явления, систематизации лингвистических инструментов и методологии осуществления программирования общественного сознания.

Данная проблема стала объектом исследования последователей разных научных школ, среди которых следует выделить Н. Хомского, Э. Кассиррера, Г. Лассуэла, А. Шаффа, Р. Сквирра, Д. Лакоффа, Т. Белта, Дж. Остина, Дж. Серля, П. Стросона, К. Бурка, А. Дугина и С. Кара-Мурзу.

Политический язык, как система общественной коммуникации, элемент моделирования и хранения общественных ценностей и установок имеет значительное влияние на процессы мышления индивидуума, закономерности познавательной деятельности и программирования общественного влияния. Кроме того, в контексте политизации общественной коммуникации, политический язык способен интенсифицировать ассимиляцию социальными массами основ идеологических матриц или воспрепятствовать имплементации идейной структуры неконформистской идеологии. Каждый политический текст или высказывание имеет субъективное обрамление интернациональной ориентации автора и призвано вызвать соответствующую реакцию у реципиента сообщения [4].

Большую ценность для данного исследования представляет коммуникативная интенция переубеждения в рамках формирования институционального и социального канала коммуникативного взаимодействия с политической тематикой. Данный концепт по своей сути воплощает процесс имплицитного влияния на социальные массы, основанный на интенсиональной архитектонике субъективных сил. Оксфордский словарь определяет манипуляцию как «скрытый контроль и влияние на людей или ситуацию с целью достижения собственных интенций, часто не честными путями [6, с. 934]. Экстраполяция теоретических результатов исследования манипуляции в сфере психологии в пространство политической науки вылилось в формирование категории «политическая манипуляция», смысл которой, по мнению русского исследователя С. Кара-Мурзы, состоит в доминировании и духовном влиянии на общество путем программирования его поведения [3, с. 33].

В свою очередь, украинский исследователь О. Бойко, систематизировав численные подходы к пониманию данного концепта, сформулировал собственное представление о политической манипуляции как «комплексе психологических, идеологических и организационных действий направленных на скрытую коррекцию массового сознания, с целью стимулирования общественной активности в нужном манипулятору направлении в процессе борьбы за политическую власть, её захват, использование и удержание» [1, с. 8].

Американский исследователь Г. Лассуэлл достиг значительных успехов в определении закономерностей роли слова в пропаганде, разработав инновационную методику семантического анализа текста. Сущность методики состоит в релевантном значении вариативных терминов, лозунгов и доктрин для восприятия идейной матрицы сообщения. Корректный подбор речевых конструкций обеспечивает формирование политической фикции – политического мифа, который находит свое отображение в политическом языке [3, с. 100-101]. Также отмечал ключевую роль слова в ассимиляции латентных пластов информации социальными массами и проектировании штучной социально-политической реальности немецкий исследователь пропагандистского аппарата фашистской Германии Э. Касиррер: «Магическое слово не описывает вещь или отношение между вещами, оно жаждет выработать действия и изменять явления природы. Такие действия невозможно осуществлять без развитого магического искусства. Только маг или чародей способен управлять магией слова, только в его руках оно стает мощным оружием» [3, с. 101].

В целом политический язык представляется функциональной средой осуществления манипуляции.

Другой механизм манипулятивного воздействия – проектирование концептов перманентного влияния. Цель данной методики состоит в моделировании понятий и концептов, адаптированных к активному социальному дискурсу и способных провести «стереотипизацию» общественного поведения [8, с. 26-27].

Функциональным инструментом лингвистического воздействия в рамках лексической архитектоники выступает «сила исходной тезы высказывания» (“force of the opening thesis statement”), охарактеризованная британским исследователем

политического языка Д. Джозефом. В рамках данной методики объект манипулятивного воздействия, в процессе общения воспринимает последующее содержание сообщения через призму эмоционально-семантического оформления начального суждения [7, с. 15]. Высказывание, сформировано в соответствии с лексической конструкцией данного типа, способно произвести ожидаемый эффект даже в случае отсутствия других манипулятивных. Таким образом, первая ключевая теза высказывания детерминирует субъективность восприятия последующей информации.

Ярким примером использования «методики конструктивной манипуляции» может служить речь президента США Б. Обамы касательно вопроса военных действий в Сирии. Как результат, Обама часто использовал в своей речи слова, обозначающие его уверенность в причастности сирийского правительства к целенаправленному применению химического оружия: «Никто не сомневается, что химическое оружие было использовано в Сирии.... Боле того мы знаем, что режим Асада ответственный за это» [5]. Лексическая архитектура обращения президента была устроена таким образом, чтобы термин «химическое оружие» часто фигурирующий в тексте находился рядом с концептом «угроза», создавая целостность семантического созвучия элементов данной конструкции: «Если бои выйдут за рамки сирийских границ, химическое оружие может создавать угрозу союзникам, таким как Турция, Иордания и Израиль» [5]. Кумулятивный эффект лексического единства высказываний и логичной последовательности презентации идейной линии сообщения создал иллюзию необходимости активных действий США в области решения сирийского вопроса. Финальной акцентированной аргументацией позиции президента стали слова оправдания потенциальных действий вызывающих противоречивую реакцию общественности путем апелляции к созданному ранее в тексте образу «химической угрозы»: «Цель этого удара – удержать Асада от использования химического оружия, разрушить возможности режима по его применению и показать миру, что мы не будем терпеть его использования» [5].

Другой важный манипулятивный ход в контексте лексической конструкции высказываний – мобилизация знаменательных частей речи, способен также создать осязательный эффект на общественное восприятие. Возвращаясь к тексту официальной речи Б. Обамы, можно заметить частоту применения вариативных глаголов с превалированием слов «использовать» (to use) и «действовать» (to act). Такой семантический динамизм структуры обращения подчеркивает позицию лидерства президента в решении.

Дополнительным ресурсом воздействия на общественное восприятие выступает создание надлежащего эмоционального тона высказываний.

Таким образом, политический миф в рамках коммуникативных процессов – целенаправленный, теоретический акт вербализации трансформированной манипулятором политической реальности. По мнению теоретика американской политики З. Бжезинского: «Миф – это рассказ про опыт событий исторического прошлого нации, что используется для усиления власти действующего режима» [8, с.14]. Примером политической мифологии может служить «миф о глобализации как

неизбежности человеческого существования», казалось бы, превалирующие в социально-политической реальности тенденции глобализации опровергаются вариативными концепциями современности, в том числе теорией возвращения к национальным государствам [2, с. 104-113]. Политический язык отвечает только за вербализацию моделированной реальности.

Список литературы:

1. Бойко О.Д. Анатомія політичного маніпулювання / О. Д. Бойко. – Николаев: ДС «Міланік», 2007. – 223 с.
2. Гаврилова М.В. Инаугурационные речи американских президентов / М.В. Гаврилова. М., 2010. – 203 с.
3. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – К.: Орияны, 2006. – 528 с.
4. Ушакова Т.Н. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / Т.Н. Ушакова, Н. Д. Павлова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 316 с.
5. BarakObama`sspeechonSyria [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/barackobama/10300943/Barack-Obamas-speech-on-Syria-in-full.html>
6. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A. S. Hornby – Oxford University Press, 2005. – 1780 p.
7. Joseph J. E. Language and politics / J. E. Joseph – Edinburgh University Press, 2007. –170 p.
8. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By / G. Lakoff – The University of Chicago 2003. – 256 p.